

Глава 1

Облегчившись, Шэнь Цинчжоу не спешил возвращаться к шумному пиршеству, где звенели чарки и разливались нетрезвые песни.

В ночном небе сияла полная луна, веял легкий ветерок — правда, густо пропитанный приторным запахом дешевых румян и пудры.

Узнай глава школы, что во время этой поездки они улучили минутку, чтобы наведаться в веселое заведение и погулять по девкам, он и слушать бы не стал никаких оправданий. Наверняка взъярился бы, грозно вытаращив глаза и раздувая усы, а его, как главного зачинщика, запер бы на три дня без куска хлеба и глотка воды созерцать голую стену. Так просто старик бы не отступился.

Шэнь Цинчжоу оглянулся на покинутый им вертеп, где вовсю гремело пьяное веселье, и он едва заметно усмехнулся.

Каждый год в этот день на него накатывала глухая, неизбывная тоска. Прошное, точно колючие пути, сковывало разум, бредило душу ворохом путаных воспоминаний, и Шэнь Цинчжоу не знал, суждено ли ему когда-нибудь выбраться из этого кокона или он обречен мучить себя до гробовой доски.

На людях он держался как ни в чем не бывало, но притворное веселье утомляло. Шэнь Цинчжоу праздно брел куда глаза глядят. Миновав круглую арку, он внезапно расслышал звуки флейты, пробивавшиеся сквозь разудалый визг шелковых струн и бамбуковых дудок, выводивших непристойные куплеты.

Среди молодого поколения мастеров его внутренняя сила считалась едва ли не лучшей, так что и слух у него был отменный. Шэнь Цинчжоу насторожился. Прислушиваясь к унылой мелодии, он сам не заметил, как ноги понесли его на этот тихий зов.

Флейта пела жалобно и тоскливо, то замирая, то заходясь в безутешном плаче. Подобным звукам, чистым и отрешенным, совсем не место было здесь, в вертепе разврата, где швыряли на ветер целые состояния ради мимолетного пьяного угара.

Его одолело любопытство. Мелодия казалась смутно знакомой, но стоило вслушаться прилежнее, как сходство ускользало — напевы разительно отличались от всего, что он знал.

Он шел на звук. Вскоре пьяный гул и похотливый смех остались позади, уступив место чистым, холодным переливам флейты. Вдруг к ним примешалось тихое конское ржание. Оглядевшись, Шэнь Цинчжоу невольно усмехнулся.

Ноги привели его напрямик к конюшням «Башни Красного и Зеленого».

Заслышав чужие шаги, музыкант осекся, и флейта смолкла.

Окинув взглядом двор, Шэнь Цинчжоу заметил ветхую лачугу по соседству. Сквозь мутное окошко пробивался тусклый свет. Недолго думая, он подошел, толкнул хлипкую дверь и переступил порог — да так резко, что один из двоих находившихся внутри с перепугу подскочил на месте.

Убогая конура оказалась тесной и бедной. Прямо у входа стояла узкая кровать под полинялым пологом, у окна — шаткий дощатый стол с коптящей масляной лампой, пара колченогих табуретов да аккуратно сложенные по углам березовые поленья.

В лачуге ютились двое. Тот, что вскочил, секунду назад сидел на краю постели. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать, совсем еще юнец, тоньше и изящнее самого Шэнь Цинчжоу. Тонкие черты лица, нежная, словно персик, кожа, а расширенные от испуга глаза придавали ему сходство с робкой ланью — девица, и та позавидовала бы такой красоте. На плечи мальчишки была небрежно накинута полупрозрачная зеленая накидка, сквозь которую алела легкая шелковая рубаша, не схваченная поясом. С первого взгляда стало ясно: перед ним один из местных гэеров, торгующих собой в «Башне Красного и Зеленого».

Второй же гость сидел неподвижно, сжимая в пальцах бамбуковую флейту. Его лицо тонуло в глубокой тени полога, но по широким плечам и простому темному платью угадывался взрослый мужчина — явно не из здешних девиц или смазливых гэеров.

Юноша под пристальным взглядом незваного гостя испуганно затрепетал, но все же сделал робкий шаг вперед и тихо спросил:

— Господин... должно быть, сбился с пути? Чьим гостем вы изволите быть? Скажите лишь, из каких покоев наши старшие сестры или братья вас ждут, и ничтожный раб мигом вас проводит.

Голосок у него оказался под стать внешности — чистый, звонкий, точно весенняя капля. Шэнь Цинчжоу никогда прежде не баловался «мужской забавой» и не ведал прелести любви с гэерами, но теперь невольно залюбовался изящным созданием. От его бесцеремонного взгляда юноша густо покраснел до самых кончиков ушей и, потупившись, едва слышно пролепетал:

— Господин...

Шэнь Цинчжоу пьяно ухмыльнулся. Хмель ударил в голову, распалая кровь. Он бесцеремонно протянул руку, провел ладонью по гладкой щеке юноши и развязно бросил:

— А вот куда я не пойду! Сегодня заночую у тебя. Пойдешь ко мне в суженые на одну ночь, лапушка? Ну-ка, подними личико, дай разглядеть как следует. И скажи, как звать тебя?

Гэер затрепетал от страха, однако отпрянуть или увернуться не посмел.

— Ничтожного зовут Сицюань, — опустив ресницы, прошептал он дрожащими губами. — Только... только я еще не вывесил именную дощечку. Не положено мне гостей принимать, недостойн я ублажать господина.

Шэнь Цинчжоу был наслышан о порядках в подобных заведениях. Слова Сицюаня лишь подлили масла в огонь, и его улыбка стала совсем глумливой. Подавшись вперед, он сгреб хрупкого юношу в охапку, уткнулся носом в его пахнущую пудрой щеку и шумно втянул воздух.

— Вот и славно! — хрипло рассмеялся он. — Значит, я буду первым, кто сорвет этот нежный бутон.

Не обращая внимания на то, что гэер побелел как полотно, Шэнь Цинчжоу бесцеремонно запустил руку под его тонкие одежды. Но не успел он зайти дальше, как затылком почувал движение воздуха. Натренированное тело мастера среагировало мгновенно: рванувшись в сторону, он уклонился от удара и резко обернулся. Перед ним стоял тот самый молчаливый незнакомец.

Мужчина действовал молниеносно. Он вырвал испуганного Сицюаня из объятий нахала и толкнул к выходу. Раздосадованный тем, что у него отобрали добычу, Шэнь Цинчжоу вспыхнул. Уступать он не собирался. Шагнув вперед, он впился в плечо наглеца, рванул на себя и наотмашь толкнул обоих. Мужчина и юноша не удержались на ногах и с глухим стуком повалились на грязный пол.

— Ах ты, тварь... — начал было Шэнь Цинчжоу, готовый разразиться отборной бранью, какую только мог подцепить у базарных забияк, но осекся. Повалившийся на пол мужчина поднял голову, и все ругательства застряли у юноши в горле.

Что это было за лицо! Все оно — от лба до подбородка — было изрезано глубокими ножевыми шрамами. Жуткие, багровые полосы перекрещивались и находили друг на друга, лишая облик всяких человеческих черт. Особо страшная отметина тянулась от левого уголка губ вниз, к самой челюсти, из-за чего казалось, будто рот мужчины сведен в вечной, исполненной презрения гримасе.

Шэнь Цинчжоу повидал на своем веку немало, но такое жуткое уродство созерцал впервые. На мгновение он оцепенел.

Изувеченный незнакомец даже не посмотрел на него. Молча поднявшись, он помог Сицюаню встать и выразительным жестом указал на дверь, веля убираться.

Тот испуганно покосился на наглого барина и застыл на месте. Этот робкий взгляд вернул Шэнь Цинчжоу прежнюю спесь. Преградав собой выход, он привалился спиной к двери и, скрестив руки на груди, нагло оскалился:

— Куда это вы собрались? Пока не ублажите меня, из этой конуры никто не выйдет. Сицюань, глупыш, ну чего ты дрожишь? Твой бутон рано или поздно все равно сорвет какой-нибудь мужчина. Или тебе мой лик не по нраву? А может, думаешь, у меня серебра не найдется?

Сицюань, густо покраснев, отчаянно замотал головой.

— Вот и славно, — хмыкнул Шэнь Цинчжоу. — Подойди поближе. Пойдем вместе к твоему хозяину, я заплачу ему, и дело с концом. Ладно?

С этими словами он небрежным движением выудил из кошелька на поясе увесистую золотую бусину размером с добрый каштан и щелчком отправил ее прямо в руки опешившему юноше.

— Хватит, чтобы выкупить твою невинность?

Сицюань машинально поймал золото. Растерянный, со слезами на глазах, он умоляюще воззрился на своего уродливого заступника. Тот молча забрал бусину, задвинул юношу себе за спину, сделал шаг вперед и протянул раскрытую ладонь, возвращая плату.

Шэнь Цинчжоу лишь презрительно фыркнул. Он перевел взгляд с уродливого великана на юношу и ядовито процедил:

— Надо же, какие нежности! И вы еще смеееете лепетать о непорочности? Что это за страшила? Твой любовник? Как тебя вообще не тошнит от такого уродства?

Он придирчиво оглядел немого с ног до головы. Лицо у того было кошмарным, но сложение — на диво статным: широченные плечи, узкие бедра, высокий рост. Закрой это жуткое месиво вместо лица — и перед тобой предстал бы настоящий богатырь.

Шэнь Цинчжоу похабно расхохотался:

— А, теперь-то я понял! Видать, у этого уродца хер до колена, раз ты с ним якшаешься!

Не успел стихнуть его издевательский смех, как в воздухе сверкнула сталь. С молниеносной быстротой Шэнь Цинчжоу выхватил меч и одним точным движением перерубил пояс на штанах уродца. Клинок со свистом вернулся в ножны, а юноша вновь вальяжно скрестил руки на груди, с гаденькой ухмылкой наблюдая, как широкие штаны мужчины скользнули по бедрам к полу, оставив его в одних тонких портах. Этот выпад был не просто шутловством: так Шэнь Цинчжоу проверял чужака. Будь у того хоть капля внутренней силы, он бы непременно уклонился от столь опасного удара. Но немой даже не шелохнулся — обычный простолюдин.

Немой явно не ожидал от холеного господчика такой наглости и дикости. Он замер в растерянности, а затем неторопливо нагнулся, подобрал штаны и натянул их обратно. Бросив взгляд на замершего от ужаса Сицюаня, мужчина одной рукой придержал пояс, а вторую

упрямо протянул вперед, все еще держа злополучную золотую бусину.

Шэнь Цинчжоу и не думал забирать золото. Он издевательски усмехнулся.

— Хочешь, чтобы я не трогал твоего ненаглядного? — протянул он. — Что ж, договорились. Ложись под меня вместо него. Ну, как тебе уговорец?

Немой окаменел. Не успел Шэнь Цинчжоу насладиться своей победой, как Сицюань с плачем бросился к его ногам и, упав на колени, взмолился:

— Пощадите, господин, умоляю! Брат Ло... он не ублажает гостей! Смилуйтесь, отпустите его...

— И не подумаю, — капризно отмахнулся Шэнь Цинчжоу. — Чего это он сам молчит? Язык проглотил, раз за него малолетка заступается?

Сицюань принялся истово бить поклоны, пачкая лоб о грязные доски.

— Господин, пощадите! Брат Ло — немой, он бы и рад вымолить прощение, да звука издать не может! Он не торгует собой, он...

Юноша окончательно запутался в словах и зашелся в рыданиях. Лочэнь не выдержал этого зрелища и потянулся к нему, желая поднять с колен. Но стоило ему выпустить из рук многострадальный пояс, как тяжелые штаны тут же скользнули вниз, обнажая крепкие, мускулистые ноги.

Шэнь Цинчжоу брезгливо фыркнул:

— Ишь ты! Уродливый, немой, к телу никого не подпускает... И за какие такие заслуги хозяева «Башни» держат этого дармоеда? Зачем вы его кормите? Раз мужиков не греет, так пускай хоть кобылам хвосты крутит!

Сицюань мертвой хваткой вцепился в руку великана. Тот предостерегающе покачал головой, но юноша слишком сильно боялся за него. В борделе Сицюань навидался всякого и знал, какими изощренными садистами порой бывают благородные господа. Такой холеный, богатый барин вполне мог забавы ради замучить до смерти бесправного раба, за которого никто не заступится. Понимая, что правда может и не разжалобить гостя, Сицюань все же решил рискнуть. Он вновь упал на колени, лепеча сквозь слезы:

— Смилуйтесь, господин! Когда брат Ло только попал сюда, лицо у него было пригожим да чистым. Но он наотрез отказался ложиться под гостей — и сам, своими руками изрезал себя ножом, лишь бы от него отстали! Если вы принудите его, он просто наложит на себя руки... Разве будет вам радость от мертвеца? Коли не побрезгуете, возьмите лучше меня! Я сделаю все, что прикажете!

Юноша снова хотел припасть к полу, но Лочэнь удержал его мертвой хваткой. Сицюань растерянно поднял голову и встретился взглядом с калекой. На этом изувеченном, похожем на кошмарный сон лице ярко горели темные глаза, полные решимости и немого укора. Гэер ведь просто хотел ненадолго ускользнуть из душных покоев и послушать, как брат Ло играет на флейте. Кто же знал, что этот тихий уголок осквернит столичный хлыщ? Терзаемый страхом и чувством вины, юноша безутешно разрыдался.

Шэнь Цинчжоу угрюмо молчал, разглядывая эту парочку. То, с какой нежностью и преданностью они защищали друг друга, почему-то глубоко его задело и вывело из себя. С раздражением шагнув вперед, он грубо вырвал Сицюаня из рук великана.

— Слышь, убогий, — рявкнул он на юношу, — ты хоть и гэер, а все ж мужик! Хватит разводить тут мокроту, тошно смотреть! Весь настрой мне сбил, чистоплюй несчастный. А ну пошел вон отсюда!

Словно шелудивого щенка, он выставил Сицюаня за порог, с силой пихнув в спину, а затем резко развернулся и хлопнул дверь. Деревянная створка сокрушительно грохнула в петлях.

Калека рванулся было к выходу, но Шэнь Цинчжоу встал у него на пути непоколебимой стеной.

Ухватив немого за ворот рубахи, Шэнь Цинчжоу резко рванул ткань на себя — ветхий шелк с треском разошелся, обнажая крепкую грудь. Он уперся ладонью в открытую плоть и коротким, но мощным толчком отбросил калеку назад. Тот не удержался и рухнул на узкую кровать.

— Не торгуешь телом, говоришь? — хищно сощурился юноша, нависая над ним с издевательской ухмылкой. — Что ж, уродец, сегодня твой счастливый день. Наш первый раз ты точно запомнишь на всю жизнь!